

УДК 01-115
ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-26-35

Е.Ю. ЗУБКОВА*

Принудительный «трудотерапевт» в СССР: между ГУЛАГом и «большой химией»

В статье представлен процесс трансформации идей и практик социального контроля в СССР 1950-х – 1960-х гг. по отношению к различным категориям населения, маркированным как «лица, ведущие антиобщественный образ жизни» (тунеядцы). Этот процесс нашёл отражение в либерализации уголовного законодательства, практик наказания и изменении отношения к лицам с девиантным поведением. В фокусе исследования находится социальная категория «тунеядец» и дискурс принудительного труда, который переводится в плоскость «трудотерапии» (по отношению к «тунеядцам»). Трансформация норм и практик социального контроля представлена в контексте общественно-политических перемен периода «оттепели», что позволяет поставить более общие вопросы: о качестве и пределах жизнеспособности советской системы, её способности реагировать на вызовы времени, адаптироваться к изменившейся социальной реальности и новым общественным настроениям. Статья основана на комплексе новых архивных источников, а также на материалах советской прессы.

Ключевые слов : Россия/СССР, социальный порядок, социальный контроль, девиантное поведение, тунеядцы, общественность, включение/исключение, принудительный труд

В январе 2017 г. в России начал применяться новый вид уголовного наказания – принудительные работы как альтернатива лишению свободы. Работа над законопроектом велась несколько лет, ещё несколько лет ушло на то, чтобы норма закона вступила в силу. Появление закона о принудительных работах вызвало довольно оживлённую дискуссию в рос-

сийских СМИ. Первое, что приходило журналистам на ум, – аналогии с советским опытом, когда на смену жёстким практиками принудительного труда в сталинском ГУЛАГе пришла так называемая *химия* – привлечение правонарушителей к обязательным работам под контролем, но без лишения свободы. Слово «*химия*» в данном контексте впервые стало использоваться в дис-

* **Зубкова Елена Юрьевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель проекта «Свой» и «чужие» в советском социуме: трансформация норм, практик и институтов социального контроля в 1950-е – 1960-е гг.» (17-01-00442а).
E-mail: elena.zubkova@mail.ru

сидентских кругах, его происхождение не вполне ясно, но вместе с тем очевидно, что распространение практики принудительных работ как альтернативной меры наказания не случайным образом совпало с бурным развитием в СССР химической промышленности и соответственно со строительством предприятий *большой химии*. На эти стройки и предприятия со сложными и вредными условиями труда и направлялись в первую очередь люди, осуждённые за различные правонарушения — реальные и мнимые. Наибольшее распространение «химия» как вид принудительных работ получила в середине 1960-х и 1970-е гг. До этого времени в течение почти десяти лет в Советском Союзе происходил своего рода поисковый процесс — ревизия концепции и практик принудительного труда сталинского периода [1]. Смысл и вектор этого процесса определяли два контекста — международный и внутренний.

Изменение практик и контекстов в контексте новых тенденций эпохи «оттепели»

Международный контекст был связан прежде всего с попытками советского руководства во главе с Н.С. Хрущёвым выстроить новый формат отношений с Западом, уйти от конфронтации послевоенных лет, наладить диалог. А диалог, в свою очередь, требовал определённого соответствия западным стандартам, в том числе и в правовой сфере. Одним из первых шагов на этом пути стало присоединение Советского Союза к ряду международных соглашений, в том числе Конвенции № 29 Международной Организации Труда (МОТ) о запрете принудительного труда.

Внутренний контекст корректировки практик наказаний определял процесс десталинизации (либерализации), затронувший принципы организации социального порядка, а также сферу законодательства, где предстояло новые тенденции нормативно закрепить. В процессе либе-

рализации практик социального контроля изменялись критерии стратификации общества, причём в самой главной, базовой для сталинского периода градации — делении общества на «своих» и «чужих», «наших» и «не наших». Суть этого главного тренда можно кратко обозначить следующим образом: «не наши», «чужие» перекодировались — переводились в категорию «наших», т.е. «своих». Процесс перекодирования коснулся не всех, траектория его развития тоже не была линейной и поступательной. Важно другое: государственная концепция социального порядка, десятилетиями строившаяся на принципе исключения, изоляции и культивирования аутсайдеров, начинает переориентироваться на поиски новых — адаптационных и инклюзивных — социальных стратегий.

В 1958 г. были приняты «Основы уголовного законодательства», предусматривающие гуманизацию этой сферы. В результате уже в следующем году учтённая преступность сокращается на 30,2% [2]. В июне 1961 г. проблема роста преступности — впервые в практике функционирования партийных структур — выносится на обсуждение пленума ЦК КПСС. Ключевым понятием новой линии в борьбе с социальными девиациями, своего рода паролем стало слово «*перевоспитание*». Говоря о перевоспитании, Н.С. Хрущёв, в сущности, не придумал ничего нового: и ГУЛАГ, основу которого составляли так называемые *исправительно-трудовые лагеря*, и «великие стройки коммунизма» — всё это советская идеология представляла как программу «перевоспитания», «перековки» граждан. Новшество хрущёвских времен состояло в том, что смещался фокус «воспитательной работы»: отныне ею должны были заниматься не карательные органы, не суды и прочие государственные институты, а «общественность». Идея «общественного перевоспитания» реализовывалась в конкретных практиках — товарищеских судах, системе коллективной ответственности

Рис. 1. Плакат «Среди вас нет таких?». Худ. Н. Вележева. 1958 г.

(когда правонарушителя брал на поруки коллектив), привлечении в трудовые коллективы так называемых трудных подростков [3].

Политика по вовлечению «общественности» в борьбу с социальными аномалиями нашла отражение в нормативных документах, в практиках разработки законодательства, направленного против «антиобщественных элементов», «паразитов». Логика, казалось бы, была проста: бороться с *антиобщественными* (явлениями, элементами, образом жизни) должна именно *общественность* (рис. 1). Другое дело, что эта идея оказалась ещё одной утопией хрущёвского десятилетия.

От репрессий к «трудотерапии»

Изменяется отношение к преступности и другим разновидностям девиантного поведения: они рассматриваются

как своего рода болезнь, которую необходимо лечить. В конце 1950-х гг. слово *лечение* станет одним из главных понятий в дискурсе социальных аномалий наряду с другими, более знакомыми — *исправление* и *перевоспитание*. Раньше в качестве главного «воспитательного» средства выступал *труд* — добровольный или принудительный, теперь труд выступает и в роли универсального «лекарства». Таким образом, концепт принудительного труда переводится в плоскость *трудотерапии*. На первый взгляд, дискуссии 1950-х – 1960-х гг. о «перевоспитании преступника трудом» ничего, кроме скепсиса, вызвать не могут. Во-первых, они не так далеко ушли от пропагандистских упражнений сталинских времён о «перековке» и «переплавке». Во-вторых, идею воспитания трудом не Сталин придумал. Всё это очень напоминало класси-

ческую утопию, и утопией, по сути, было. Не случайно идея воспитания трудом нашла своё отражение в главном утопическом документе советского времени — Программе КПСС 1961 г. (рис. 2).

Вместе с тем в дискурсе и практиках наказания хрущёвской эпохи присутствовал один важный нюанс: принудительные работы рассматривались и применялись как мера наказания, не связанная с лишением свободы, хотя и предусматривалось существенное её ограничение. Либерализация практик наказания за отдельные правонарушения была связана также с целевым контингентом принудительной «трудотерапии». Назывался этот контингент по-разному: *антиобщественные элементы, лица, ведущие паразитический образ жизни («паразиты»), тунеядцы*.

Содержательные границы этих категорий отличались нечёткостью и подвижностью: они то сужались до конкретных представителей социального андеграунда (например, нищих и бродяг), то приобретали совершенно расплывчатые очертания, маркируя как антиобщественное

любое поведение, не вписывающееся по тем или иным критериям в советский канон. Каноном считался *общественно полезный труд* — категория тоже весьма нечёткая и конъюнктурная, кроме одного неперемennого условия: общественно полезным считался только труд на государство, все остальные виды занятости или их отсутствие должны были восприниматься как отклонение от нормы. Поэтому к разряду *паразитов* и *тунеядцев* причислялись деятели теневого сектора экономики, люди, сдающие квартиры внаём, свободные художники и литераторы, молодые бездельники и др.

Р зр ботк з кон против «тунеядцев» и общественный резонанс

Среди нормативных документов, так или иначе связанных с кампанией против *тунеядцев*, наибольшую известность приобрёл указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический об-

Рис. 2. Плакат «Программа построения коммунизма». Худ. Н. Смолин. 1961 г.

раз жизни». Разработка закона против «антиобщественных элементов» («тунеядцев») заняла почти семь лет, в результате его окончательный вариант существенно отличался от первоначального замысла [4]. Проект закона был опубликован в газете «Советская Россия» 21 августа 1957 г. [5].

Публикация проекта вызвала довольно большой общественный резонанс. Многие его положения были подвергнуты критике, прежде всего со стороны юристов. Против принятия закона в предложенной редакции выступило Министерство иностранных дел СССР. Заместитель министра Н.С.Патоличев обратил внимание на то, что одно из основных положений проекта закона (об *обязательном* привлечении осуждённых к труду по месту ссылки) противоречит нормам международного права, отражённым в Конвенции Международной Организации Труда № 29 [6]. Однако предложения МИДа по внесению изменений в проект закона не были приняты, кроме одного: из текста было исключено слово «обязательный» применительно к труду осуждённых [7].

Вместе с разработкой закона против «паразитов общества» дискурс «паразит» выводится в публичную сферу: в августе 1960 г. в прессе стартует масштабная кампания под лозунгом «*Кто не работает, тот не ест*». Началась кампания с «теоретической конференции» (!) партийной организации прессы корпуса Московского автозавода им. Лихачёва. Её организаторы решили прикрыться авторитетом рабочего класса, который в отличие от сомневающихся юристов и «теоретиков» дал своё определение, кого считать тунеядцем. Как и следовало ожидать, рабочий класс не подвёл: виртуальная *скамейка тунеядцев* оказалась весьма широкой — от пьяниц и хулиганов до «расхитителей социалистической собственности». Отчёт о конференции был напечатан в «Правде» [8].

Публикация вызвала «цепную реакцию» откликов: на предприятиях, в учреждении

ях стали искать и осуждать своих «тунеядцев». Типовое содержание этих откликов, регулярно появлявшихся в «Правде», свидетельствовало об организованном характере кампании по демонстрации «общественной поддержки». Фактор включения в процесс общественности подкреплялся и формой откликов, среди которых преобладали коллективные письма. «Пусть тунеядцы трепещут перед силой общественности», — предупреждали рабочие Новгородского завода электрооборудования [9]. Ту же тему развивали рабочие нефтеперерабатывающего завода Баку: «Нужно дать больше прав коллективам трудящихся. Суд дружеский и суровый — лучшее средство борьбы с теми, кто не хочет по-настоящему трудиться» [Там же].

Кампания проходила с общесоюзным размахом: на публикацию в «Правде» откликнулись другие газеты — от центральных до районных. Рефреном статей на ставшую столь злободневной тему коллективных и индивидуальных писем стал призыв: «Надо заставить тунеядцев работать» [10].

Однако одними публикациями и устными угрозами в адрес граждан, заподозренных в уклонении от труда на благо общества, дело не ограничилось. Уже в сентябре по стране прокатилась волна показательных общественных судов над «тунеядцами». В качестве обвиняемых на этих судах выступали главным образом молодые люди, занимающиеся фарцовкой (перепродажей дефицитных вещей, как правило, зарубежного производства) или просто «праздношатающиеся».

Первый показательный суд прошёл 2 сентября 1960 г. в Ленинграде, на заводе «Красный выборжец». Судили молодого человека, Виктора Богданова. Специальный репортаж об этом событии появился в «Комсомольской правде» [11]. Общественный суд в Ленинграде вынес решение о высылении обвиняемого из города. Так был создан прецедент, который потом активно заимствовали аналогич-

ные «суды над тунеядцами» в других городах. С точки зрения нормы эти общественные приговоры были абсолютно незаконными — по крайней мере, на территории РСФСР, поскольку соответствующий закон в республике на тот момент так и не был принят.

Помимо показательных судов в ходе кампании проводились комсомольские рейды по отлову тунеядцев, превентивные беседы в райкомах партии и комсомола. В Грузии комсомольцы даже составили специальную «картотеку лоботрясов». Практически все печатные издания — центральные и региональные — так или иначе включились в процесс обсуждения проблемы тунеядства. Подводя первые итоги кампании, редакция «Правды» заключала: «Советские люди, ведущие беспощадную борьбу с тунеядством, твёрдо уверены, что этот отвратительный пережиток прошлого будет уничтожен» [12].

В публичном дискурсе тунеядства для идентификации этого явления и описания методов борьбы с ним активно использовалась не политическая или социальная, а скорее естественно-научная лексика — язык биологии, ботаники, медицины. Тунеядцев называли паразитами в биологическом смысле этого слова — *клещами*, *сорняками*, а тунеядство — болезнью на здоровом теле общества [13] (рис. 3).

В ходе этой кампании впервые в публичное пространство вбрасывается идея «принудительной трудотерапии». Газеты призывают «принудительно лечить бездельников трудом», провести «немедленное хирургическое вмешательство», «выписать рецепт на самое действенное лекарство — общественно-полезный труд» [14]. В качестве «лечебных» учреждений предлагалось организовать специальные трудовые колонии для тунеядцев, отправлять их на стройки, где формиро-

Рис. 3. Б. Тимофеев. Сорняки (фельетон). Худ. Н. Семёнов (Правда. 1960. 18 октября)

вать из них специальные «бригады бездельников», делать соответствующую отметку в паспорте и т.д. [15]. Когда спустя несколько месяцев, 4 мая 1961 г., обсуждаемый проект в РСФСР стал законом, общественное мнение было к этому событию соответствующим образом подготовлено.

Результаты 1961 г.: пределы эффективности

Таким образом, долгая история разработки закона против «паразитов» наконец завершилась. Однако вопросы, которые были предметом дискуссий на стадии разработки законопроекта, остались и в полной мере заявили о себе в практиках исполнения вступившего в силу закона. Главная проблема, как и прежде, заключалась в нечёткости критериев отнесения тех или иных людей к «паразитам» (правда, теперь в ходу было иное слово — «тунеядцы»). Принципы маркирования были

настолько размытыми, что ставили в тупик не только обычных граждан, но и сотрудников милиции. Граждане (т.е. «общественность»), которых теперь, согласно новым веяниям, приглашали принять активное участие в процессе выявления «паразитов» и «тунеядцев», забрасывали советские и партийные органы письмами. В них они просили и требовали объяснить — кто есть паразит, а кто нет [16].

Непонимание «буквы» закона сотрудниками милиции обходилось дороже: оно вело к злоупотреблениям и нарушению гражданских прав. Первые же месяцы применения указа о «паразитах» выявили многочисленные нарушения, допущенные со стороны органов милиции. Как свидетельствовали материалы проверки исполнения указа, «многие работники административных органов не учитывают того, что основной целью указа является приобщение лиц, ведущих паразитический образ жизни, к труду», и применяют штрафные санкции «формально и поспешно». В результате — следовал вывод — указ о «паразитах» применяется к лицам, «которые по сути таковыми не являются» [17].

К началу августа 1961 г. — за три месяца применения указа — всего по РСФСР были направлены в суды и на рассмотрение «общественности» дела о выселении на 7810 чел. Решение о выселении было принято в отношении 5664 чел.: из них 5358 чел. выселены по постановлению судов и только 306 чел. — по общественному приговору [18]. Всего за год применения указа по РСФСР за «злостное тунеядство» выселили 20 938 чел. [19] (рис. 4).

Как свидетельствует статистика, общественность, т.е. обычные граждане, включилась в процесс вяло, подавляющее большинство приговоров о выселении (95%) выносилось не общественными судами, а «народными судами», которые, несмотря на созвучность названия, в отличие от первых являлись официальными государственными судебными органами. Суды, со своей стороны, достаточно диф-

Рис. 4. Плакат «Вон дармоедов с тёпленьких мест...». Худ. О. Масляков, Е. Цвик. 1961 г.

ференцированно подходили к личности и проступкам обвиняемого и выносили решение о выселении и принудительных работах не в отношении граждан, занятых теневым бизнесом, а в отношении хулиганов и алкоголиков, досаждающих своим асоциальным поведением окружающим. В результате в местах поселения скапливался соответствующий маргинальный контингент, методам «трудотерапии» часто просто не поддающийся. Руководители предприятий в районах выселения отказывались принимать таких людей на работу, рассматривая их в качестве балласта [20].

Уже спустя несколько месяцев после вступления в силу указ 1961 г. по отношению к социальным маргиналам практически перестал применяться. Но ему нашли другое назначение — стали использо-

вать как средство борьбы с инакомыслием в обществе, когда к категории тунеядцев причислялись люди, по тем или иным причинам считавшиеся политически неблагонадёжными. В конце 1960-х гг. понятие «трудотерапия» в качестве идеологического камуфляжа принудительных работ в системе наказаний постепенно выходит из официального употребления. В разговорной лексике ему на смену приходит другое слово — «химия». На юридическом языке, согласно уголовному кодексу Российской Федерации 1960 г., так назывались «исправительные работы без лишения свободы». В начале 1990-х гг. практика принудительных работ как вид наказания в России была отменена. Однако о «трудотерапии» и «химии» советских времён неожиданно, но не случайно снова вспомнили — уже в современном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степашин В.М. Проблемы применения принудительных работ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 156–161; Kott S., Golb J. The forced labor issue between human and social rights, 1947–1957 // Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism, and Development. 2012. № 3. P. 321–335.
2. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1999. С. 63.
3. Gorlizki Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. 48. № 3. P. 403–425; Жидкова Е. Практики разрешения семейных конфликтов в 1950–60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: Вариант, 2008. С. 266–289.
4. Фицпатрик Ш. «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: Вариант, 2008. С. 219–254; Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е годы // Российская история. 2009. № 5. С. 101–118.
5. Проект Закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» // Советская Россия. 1957. 21 августа.
6. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 6416. Л. 71–73.
7. РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 911. Л. 3.
8. Кто не работает, тот не ест — великий принцип социализма // Правда. 1960. 24 августа.
9. Кто не работает, тот не ест. Отклики читателей // Правда. 1960. 28 августа.
10. Тунеядцы // Правда. 1960. 26 августа.
11. Преловская И., Скрыпник А. Позор тунеядцам! Рабочие «Красного выборжца» судят бездельника и спекулянта // Комсомольская правда. 1960. 4 сентября.
12. Трудиться обязан каждый. Обзор писем // Правда. 1960. 18 октября.

13. Тимофеев Б. Сорняки // Правда. 1960. 18 октября; Для тунеядцев — жёсткие условия // Комсомольская правда. 1960. 6 сентября.
14. Комсомольцы ударной строки предлагают: принудительно лечить бездельников трудом // Комсомольская правда. 1960. 6 сентября; Бабаев М. «Частное» или нечестное? Заметки народного судьи // Комсомольская правда. 1960. 29 октября.
15. Закон нашей жизни: «Кто не работает — тот не ест» // Комсомольская правда. 1960. 28 августа; Очистим наше общество от тунеядцев! // Комсомольская правда. 1960. 3 сентября; Тунеядцев — на суд общества // Там же. 1960. 17 сентября.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 373. Л.29–31
17. РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 293. Л. 36.
18. РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 293. Л. 34–41.
19. Об особенностях применения указа в разных регионах см.: Крушанова Л.А. Закон о «тунеядцах» 1961 г. и его реализация на Дальнем Востоке // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 122–128; Ластовка Т. Тунеядство в СССР (1961–1991): Юридическая теория и социальная практика // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 212–229.
20. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 217. Л. 123–130.

ENGLISH

Forced “Occupational Therapy” in the USSR: between the Gulag and “Big Chemistry”

Elena Yuryevna Zubkova — Dr. Sc. of History, chief researcher of the Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Insiders” and “Outsiders” in the Soviet society: the transformation of norms, practices and institutions of social control in the 1950s-1960s” 17-01-00442a).
E-mail: elena.zubkova@mail.ru

The paper focuses on the process of transformation of ideas and practices of social control in the USSR in the 1950s-1960s in relation to various categories of people named as “persons with an antisocial way of living” (lazy freeloaders). This process was reflected in the liberalization of the criminal law and punishment practices, as well as in the changing attitudes towards people with deviant behavior. The study focuses on the social category of “lazy freeloaders” and the discourse of forced labor construed as “occupational therapy” (when applied to “lazy freeloaders”). The transformation of social control norms and practices is described in the context of socio-political changes during the “thaw” period helping to raise questions that are more general: quality and limits of the Soviet system's viability, its ability to face the challenges of time, adapt to changing social realities and new public sentiments. The paper is based on some new archival sources, as well as on the materials of the Soviet press.

Keywords: Russia/USSR, social order, social control, deviant behavior, lazy freeloaders, the public, inclusion/exclusion, forced labor

REFERENCES

1. Stepashin V.M. Problemy primeneniya prinuditel'nykh rabot // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2015. № 4 (45). S. 156–161 (in Russian); Kott S., Golb J. The forced labor issue between human and social rights, 1947–1957 // Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism, and Development. 2012. № 3. P. 321–335.
2. Luneev V.V. Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii. Mirovoy kriminologicheskii analiz. M.: Norma, 1999. S. 63 (in Russian).
3. Gorlizki Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. 48. № 3. P. 403–425; Zhidkova E. Praktiki razresheniya semeinykh konfliktov v 1950–60-e gody: obrashcheniya grazhdan v obshchestvennye organizatsii i partiynye yacheyki // Sovetskaya sotsial'naya politika: stseny i deystvuyushchie litsa, 1940–1985. M.: Variant, 2008. S. 266–289 (in Russian).
4. Fitspatrik Sh. «Parazity obshchestva»: kak brodyagi, molodye bezdel'niki i chastnye predprinimateli meshali kommunizmu v SSSR // Sovetskaya sotsial'naya politika. Stseny i deystvuyushchie litsa, 1940–1985. M.: Variant, 2008. S. 219–254; Zubkova E.Yu. Na «krayu» sovetskogo obshchestva. Marginal'nye gruppy naseleniya i gosudarstvennaya politika. 1940–1960-e gody // Rossiyskaya istoriya. 2009. № 5. S. 101–118 (in Russian).
5. Proekt Zakona «Ob usilenii bor'by s antiobshchestvennymi, paraziticheskimi elementami» // Sovetskaya Rossiya. 1957. 21 avgusta (in Russian).
6. GARF. F. 8131. Op. 32. D. 6416. L. 71–73 (in Russian).
7. RGANI. F. 13. Op. 1. D. 911. L. 3 (in Russian).
8. Kto ne rabotaet, tot ne est – velikiy printsip sotsializma // Pravda. 1960. 24 avgusta (in Russian).
9. Kto ne rabotaet, tot ne est. Otkliki chitateley // Pravda. 1960. 28 avgusta (in Russian).
10. Tuneyadtsy // Pravda. 1960. 26 avgusta (in Russian).
11. Prelovskaya I., Skrypnik A. Pozor tuneyadtsam! Rabochie «Krasnogo vyborzhtsa» sudyat bezdel'nika i spekul'yanta // Komsomol'skaya pravda. 1960. 4 sentyabrya (in Russian).
12. Trudit'sya obyazan kazhdyy. Obzor pisem // Pravda. 1960. 18 oktyabrya (in Russian).
13. Timofeev B. Sornyaki // Pravda. 1960. 18 oktyabrya; Dlya tuneyadtsev – zhyostkie usloviya // Komsomol'skaya pravda. 1960. 6 sentyabrya (in Russian).
14. Komsomol'sky udarnoy stroki predlagayut: prinuditel'no lechit' bezdel'nikov trudom // Komsomol'skaya pravda. 1960. 6 sentyabrya; Babaev M. «Chastnoe» ili nechestnoe? Zametki narodnogo sud'i // Komsomol'skaya pravda. 1960. 29 oktyabrya (in Russian).
15. Zakon nashey zhizni: «Kto ne rabotaet – tot ne est» // Komsomol'skaya pravda. 1960. 28 avgusta; Ochistim nashe obshchestvo ot tuneyadtsev! // Komsomol'skaya pravda. 1960. 3 sentyabrya; Tuneyadtsev – na sud obshchestva // Tam zhe. 1960. 17 sentyabrya (in Russian).
16. RGANI. F. 5. Op. 30. D. 373. L. 29–31 (in Russian).
17. RGANI. F. 13. Op. 1. D. 293. L. 36 (in Russian).
18. RGANI. F. 13. Op. 1. D. 293. L. 34–41 (in Russian).
19. Ob osobennostyakh primeneniya ukaza v raznykh regionakh sm.: Krushanova L.A. Zakon o «tuneyadtsakh» 1961 g. i ego realizatsiya na Dal'nem Vostoke // Sovetskiiy Dal'niy Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epokhi. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2014. S. 122–128; Lastovka T. Tuneyadstvo v SSSR (1961–1991): Yuridicheskaya teoriya i sotsial'naya praktika // Antropologicheskii forum. 2011. № 14. S. 212–229 (in Russian).
20. RGANI. F. 5. Op. 33. D. 217. L. 123–130 (in Russian).